

ПО ПОВОДУ И БЕЗ

романтики

Сцена - С.Пб. - 1996. - 10 февр. - с. 5.

Аполлон милостыни не подает. Даже по праздникам

СОСТОЯВШИЕСЯ личности невольно заражают своей свободой и естественностью. И потому разговор с Олегом Басилашвили начался сам собой - так же естественно и без выкрутасов:

- Олег Валерианович, не секрет, что когда-то многие в глаза и за глаза называли вас Басиком. Теперь это ласково-фамильярное прозвище сменилось на уважительное "Бас". А сами в себе вы чувствуете подобное изменение - от Басика к Басу?

- Конечно, чувствую. С возрастом пришло иное понимание жизни, нежели тридцать лет назад.

- Расшифровать можете?

- Помню, однажды я был потрясен вроде бы незначительной деталью. Мы репетировали на сцене, и Товстоногов попросил: "Олег Валерианович, пересядьте, пожалуйста, на другой стул". Олег Валерианович!.. До этого он никогда меня так не называл. "Где Олег?", "Позовите Басилашвили", "Олег, вы хорошо (или, допустим, плохо) сыграли". А тут вдруг обратился по имени-отчеству. Меня это совершенно ошеломило. Но потом сообразил: видимо, изменился я сам, и обращением по имени-отчеству Товстоногов хотел прибавить мне весу, что ли, среди других, показать уважение. И больше он уже не называл меня, как мальчика, Олегом. Мы были в очень добрых, теплых отношениях, но всегда - только Олег Валерианович.

Что касается жизни, опыта - я не могу определенно сформулировать, что и насколько во мне изменилось. Но с годами понял главное: человек является хозяином собственной судьбы. Недаром Пушкин называл служение искусству жертвой: "Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон..." Несмотря на кажущуюся архаичку, это невероятно точный образ. Потому что любое служение, особенно искусство, - всегда жертва, которая может быть принесена напрасно. Знаю многих неординарных людей, пожертвовавших всем ради театра, но их жертвы приняты не были. И не потому, что эти люди оказались бездарными. Просто так получилось. Ничего им не дал Аполлон взамен.

- Вы имеете в виду успех?

- Все, что касается внутреннего и внешнего благополучия артиста: количество и масштаб сыгранных ролей, зарплата, ставки. И успех. Но не только у публики, а прежде всего у самого себя. Но пусть Аполлон не откликается на жертву, ее все равно надо принести.

- Какую жертву? Отказаться от любимой женщины или лечь спать в десять вечера, зная, что с утра съемки?

- Да. Лечь спать в десять вечера, если в восемь съемки. Построить свой день так, чтобы, выйдя на сцену, ты был

готов. Одному для этого надо сутками отсыпаться, другому - наоборот, основательно вымотаться.

- А себя не обедняешь при этом?

- Конечно, обедняешь. Но откажешься от всего - если такой выбор потребует. Либо - либо. Третьего не дано, как известно. Помните, дядя Ваня говорит: я мог быть Шопенгауэром, Достоевским! А Чехов ему всем строем пьесы отвечает: не мог - ни Шопенгауэром, ни Достоевским. Ты мог стать Иваном Петровичем Войничкиным - вероятно, даже известным в своей области человеком. Но ты им не стал. Кто в этом виноват? Маман, читающая брошюры Серебрякова? Соня, что с утра до ночи работает, или доктор Астров, который хоть и попивает, зато лечит больных и сажает леса? А дядя Ваня продает навоз: "Давай заедем к дяде Ване, он навоз продает". Так дядя Ваня сам и виноват, в том что не стал Иваном Петровичем Войничкиным.

- Догодаиваюсь, все сказанное вы соотносите и с собой.

- У меня неоднократно возникала мысль уйти из БДТ. Поначалу было очень тяжело. Все держало в жутком напряжении: отсутствие ролей, где я мог бы раскрыться; крайняя требовательность Товстоногова, его нежелание считаться с тем, что не касалось непосредственно творческого процесса. Не важно, почему актер сегодня плохо репетирует - болен ли родственник, поссорился с женой. Кончится репетиция - тогда поговорим.

Хотелось сдаться - начать более легкую жизнь в другом театре. В той же Москве, где жили мама, отец, бабушка и всегда могли помочь, по крайней мере накормить, если останусь без копейки. Но что-то удерживало. Потому что, сидя в зрительном зале, я видел на сцене чудо. Оно неуловимо походило на спектакли старого Художественного театра. Помимо актерской игры, прекрасных декораций и постановки было нечто - за этим, над этим, чему не подобрать названия и что никак не отпускало. Ну и, конечно, не отпускала надежда, что я сумею себя проявить. Постепенно она укрепилась, и прочая, и прочая.

Позже появились режиссеры, которые стали звать меня к себе, особенно когда выяснилось, что Георгий Александрович болен и уже не сможет работать, как раньше, - что-то от него ушло. Но мог ли я в подобных обстоятельствах даже заикнуться о своем уходе? Хотя интересное дело предлагали многие, не буду называть имен. Впрочем, по-

чему? Назову - тот же Марк Захаров приглашал неоднократно.

- И не жалеете?

- Что не ушел тогда - нет. Потому что нанеси удар ножом в спину человеку, который сделал из тебя актера, - подлость. Что я и объяснил Марку Анатольевичу: представьте на моем месте Олега Янковского, который уходит от вас к более сильному и молодому режиссеру, узнав, что вы больны и не в состоянии работать с прежней мощью. И Марк Анатольевич прекрасно меня понял.

- Почему же вы не пожертвовали порядочностью ради искусства?

- Отказ от порядочности не жертва. Обыкновенное предательство. Как с таким грузом выходить на сцену?

- Вы москвич, закончили школу-студию МХАТ - наверняка театр для вас начался с "Синей птицы".

- Я ее посмотрел всего один раз, лет семи, но и сейчас (пусть бездарно, неважно) могу поставить этот спектакль - с теми же мизансценами, где надо, зазвучит музыка, в определенном месте ударит колокол. Вернувшись после "Синей птицы" домой на Покровку, я понял, что мир вокруг населяет живое - вода, хлеб, сахар. И все на свете фишка болатная по сравнению с тем, что происходит на сцене. Позже я умудрился посмотреть "Три сестры" Немировича-Данченко тридцать пять раз. Нет смысла говорить, какой это был спектакль. Он вне оценки, как храм Василия Блаженного. А атмосфера "Поэтической любви" Островского: маленькая комната, в сумерках печка потрескивает, чувствуется, что на улице мороз под сорос градусов, зато здесь тепло, уютно. И никаких режиссерских ухищрений, все через актера - так легко, так просто! Жизнь возникла - не театральная, не пыльная, не из фанеры.

Студентом я часто бегал за кулисы смотреть, как готовят старики из второго поколения МХАТ играть "На дне", как они обжимают нары - сказочное что-то! А за полчаса до начала спектакля в правой и левой кулисы ставили по огромному чану с кислой капустой.

- Чтобы они нашли состояние?

- Чтоб воняло! Открывался занавес - и на тебя шло такое амбре... Вчерашней попойкой, больных голов и в то же время покоя, когда, несмотря на нищету и лохмотья, жизнь прекрасна: сейчас пойдем на базар, опохмелимся, потом снова заведемся спать.

- И вам, в отличие от Булгакова, все это не казалось дичью?

- Булгакову это никогда не казалось дичью. Он слегка

опешил от того, что увидел, и даже потешался над какими-то приемами и способами, но в заключение романа все равно пришел к выводу: существует театр, во имя которого надо умереть.

- С тех пор как вы стали ведущим, признанным актером, не испытывали чувства обделенности?

- Это болезненное состояние, его нужно безжалостно в себе подавлять. По ряду причин я пропустил много ролей. Не сыграл Федю Протасова - а мечта была единственная, жгучая, ничего мне так не хотелось. Но не сложилось - что поделаешь. Потом как-то Георгий Александрович предложил мне прочитать "Последнего пылкого любовленного". Через пару месяцев вывеливают распределение ролей - играет Стрельчик. Ну что ж, сказал я себе, это тоже интересно. И он действительно прекрасно сыграл, получился замечательный спектакль, я искренне радовался за Стрельчика. Сидя на премьере. Нет, по-моему, у меня никогда не бывало завистливости. Могу завидовать, но с примесью восхищения: как же так, Бог награждает Смоктуновского потрясающими данными, а у меня их нет!

- Кто вас догадал с душой и талантом пойти во власть?

- Ни в какую власть я не ходил.

- Ну да, а депутатство?

- Какая же это власть! Продав мамину дачу, я купил машину. еще до повышения цен. С трудом научился на ней ездить. Гараж нужен? Нужен. Они в нашем дворе росли, как грибы, и я тоже мог его себе поставить, тогда это стоило всего пять тысяч. Но не поставил, потому что решил: гараж под окнами дискредитирует не меня - плевать я хотел! - а демократию, к которой мы стремились. Поэтому моя машина гниет около театра, под снегом.

- Это не ханжество?

- Хорошенькое ханжество, когда дома пияты: у всех гаражи есть, а у тебя нет. Понимаете, нельзя менять пиджаки каждый день, даже если у тебя от них лопит шкаф. Надо показать людям, что ты такой же, как они, и пытаешься выразить их интересы, а не занят самим собой.

- У вас устроенный быт, вам повезло найти признание. Наверно, жизнь заключена между домом и работой?

- Да, больше ничего.

- Не боитесь, что это внутреннее и внешнее благополучие может исказить ваше понимание интересов обыкновенных людей - сделать его несколько литературным?

- Я так вам скажу... Машина мне нужна, потому что у меня ноги больные.

- Да Бог с ней, с машиной.

- Нет, погодите! Поэтому лею я пытаюсь передвигаться по городу посредством автомобиля, который едет, неонятно почему. Нажимаешь куда-то - и он трогается. Встает пока, и слава Богу. Но в основном-то я - пешком, в меру, на трамвае. Магазины, очереди - это все мое, я там всю жизнь простоял, роясь в гнилых морковках или радуясь, что выбросили гречу.

- Но ведь наверняка читали на каких-нибудь правительственных кон-

ференциях "Я достаю из широких штанин..."

- Читал, читал. На сцене бывшего Кировского, ныне Мариинского театра - проникновенную прозу Брежнева.

- Ой!

- Но я был не один - с Громмадским и еще двумя актрисами, уже не помню, с кем. Правда, сопротивлялся героическим, заявил, что у меня нет парадного костюма. "А какой есть?" - "Коричневый!" - "Коричневого ни в коем случае нельзя. Только в черном". И мне достали черный костюм, одели и выпихнули на сцену. Да, у меня не хватило гражданского мужества отказаться, но, честно говоря, я не особо сокрушался по этому поводу. Ну прочел и прочел по бумажке. Какую-то нейтральную ерунду про бетонщиц. Как они маршировали мимо Леонида Ильича, "а я крикнул им: спасибо".

- А в современной богемной жизни принимаете участие?

- Как у каждого нормального человека, вся эта безвкусица вызывает во мне здоровое омерзение, особенно тусовочные артисты, которые хлещут на презентациях шампанское или поливают им обнаженных девушек. По-моему, если тебе приспичило оказать даму шампанским - ну вылей на нее пару бутылок наедине. Зачем такому интимному восторгу предаваться на публике, да еще на всю страну, перед телекамерами? И восторг, на мой взгляд, сомнительный - липко ведь, наверно. Не знаю, может, я старый стал, но и в молодости вроде не любил шумных загулов. Чего хорошего - вечером куда-то тащиться, сидеть в дыму, потом голова раскалывается. Конечно, всякое случалось - напивались, гуляли, хулиганили, но это не было стилем жизни.

- Жена никогда не волновалась, что Олег задерживается после получки?

- Нет.

- Такой хороший...

- Не потому что хороший, а

скучно мне это. Я в ресторан любил ходить один, днем. За отдельным столиком с хрустящей скатертью заказать под славную закуску графинчик водки - замечательно!

- Никогда не возникало такого настроения: пошло все к черту.

- Сейчас?

- Во мне это постоянно сидит: пошло все к черту, хочу жить, хочу радоваться. И очень дорого стоит, уверяю, от чего-то отказываться. Упаси Боже, я не нахожусь в постоянной борьбе с собой, но вот свежий пример. Я пишу диск - представляете, пою песни про Петербург на очень хорошие стихи и музыку Виктора Мальцева. Я не имею права посылать все к чертам за день до записи - голос сядет. А у меня записи, репетиция, съемка или спектакль каждый день - значит, опять возвращаемся к вопросу о жертве.

- Ну, не такая уж это для вас страшная жертва, как выяснилось. Но если придет Рязанов с тремя бутылками "Абсолюта"!

- Рязанов не пьет, как и Даниеля. У меня ужасная компания.

- А Говорухин, наверно, уже не из вашей компании?

- В довольно сложный период нашей жизни, когда создавалась Российская республика и ее правительство, мне предложили Ельцин с Силаевым стать министром культуры. Предлагали дважды - и дважды я отказывался. Надо было переезжать в Москву, бросать театр, да и организатор из меня никакой - в общем, в министры не годюсь. Но когда после просмотра Говорухинской картины "Так жить нельзя", устроенного специально для делегатов съезда, эти самые делегаты наконец выбрали Ельцина Председателем Верховного Совета с перевесом в четыре голоса, чего не удавалось добиться несколько дней. И я понял: вот кто может взвалить на себя вериги министра культуры! Я был у Говорухина, угорав, и он почти согласился. Тогда я помчался к Силаеву: Иван Степанович, поезжайте на "Мосфильм" - сами, сейчас - и драматизуйте Говорухина. Тот моментально вызвал машину, приехал к Говорухину и доломал его - он согласился стать министром культуры. Но через два месяца все-таки отказался. Хотя он москвич, ему не надо было

- Никогда не было революций, пронесло?

- Да при Товстоногове и быть не могло. Такой человек вы-

Хочу жить, хочу радоваться - сегодня, здесь,

никуда переезжать или бросать театр. Плюс это волевой человек, прекрасный организатор - профессия обязывает. Но сейчас он сидит в Государственной думе и негодует: в Кремле окопались губители культуры! Так что же тебе помешало заняться делом ее воскрешения и оздоровления?

- Какое хорошее было время, сколько энтузиазма: Басилашвили бросается к Силаеву, тот мчитесь долаживать Говорухина. А что сегодня?

- Недавно я потерял очень близкого человека, хотя никогда с ним не встречался, - Бродского. Сам не понимаю, откуда такое острое чувство потери? И не хочу, чтобы в моем отечестве (как это ни громко звучит) существовали условия, при которых людей можно объявлять сумасшедшими, отправлять в ссылку, выбрасывать вон из страны. Не хочу, чтобы остановился процесс эволюционного обновления. В том числе и в театре, музыке, живописи, архитектуре - где угодно.

- И все-таки среди посвященных прошел слух: Бас устал. Это верно?

- Не знаю, как это назвать. Да, конечно, устал.

- Из-за театра?

- Нечто похожее происходило с героями "Дяди Вани": люди остались без отца. Ясно, что так же хорошо, как было при нем, уже не будет - его не вернуть. Значит, надо налаживать жизнь по-новому, не забывая, чьи мы дети. Слава Богу, у нас в театре сохранились старые порядки, нет никаких враждующих группировок, заговоров.

- Никогда не было революций, пронесло?

- Да при Товстоногове и быть не могло. Такой человек вы-

летал из театра как пробка - и вся революция. У нас есть хорошие режиссеры - в том числе безусловно Чхеидзе, - но лидерами их назвать трудно, да они к этому и не стремятся. Конечно, театр переживает сложный период, и, наверно, у многих возникает недоверие к себе: куда ли иду? Так ли? Черт его знает.

Впрочем, у кого сейчас нет тагостного чувства неудовлетворенности? И забываешься лишь там, куда приходишь творить. За чертовой доской, у письменного стола, на сцене, перед камерой.

Иногда кажется, за ту жизнь, что была - шестьдесят с лишним лет, - я многое пропустил. У меня очень хорошая семья, дети, не об этом говорю. Но - "Остолбенело все. Хочется босыми ногами походить по траве", - как сказал незадолго до смерти Женья Евотинцев. А если дядя, то, тогда уж как Леонов в "Пминальной молитве". В этом возрасте надо либо молчать, либо говорить всерьез, вызывая уважение.

Я сейчас посмотрел много спектаклей в ленинградских-санкт-петербургских театрах. Что-то нравится, что-то нет. Есть хорошие актерские работы, есть дурные, всякие. Но того уважения, которое у меня вызывало присутствие на сцене Симонова, или Толубеова Юрия Владимировича, или Копеляна, Стрельчика, - не возникает. Потому что люди, которых я называл, и еще сотни других, отдавали театру все. Просто не умели по-другому. Раскаивайся потом - не раскаивайся. Что толку?

Беседовала
Елена ЕВГРАФОВА
Фото Павла МАРКИНА